

СООБЩЕНИЯ

УДК 93/94

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.183–191

Интеллектуальная история К. Скиннера: проблемы политической мысли раннего Нового времени

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В данном сообщении раскрывается подход К. Скиннера к интерпретации мысли раннего Нового времени. Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий лингвистический контекст. Указывается, что интерес Скиннера к прочтениям текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории. Рассматривается интерпретация основных концептов в мысли Макиавелли, предложенная Скиннером.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, свобода, *virtu*.

В настоящее время большинство представителей интеллектуальной истории отмечают, что их первостепенной задачей является понимание не столько идей вообще, а политических идей в частности, что приводит к изменению направленности практики – они истолковывают интеллектуальную историю как дисциплину, в первую очередь, связанную с политическими идеями и идеологиями. К. Скиннер является одной из самых важных фигур в интеллектуальной истории и Кембриджской школе политической мысли. Автор большого количества эссе по методологии интеллектуальной истории и ранней современной (в основном английской) политической теории, Скиннер наиболее известен как сторонник контекстуалистского подхода. Его интеллектуальная история не содержит в себе кантианской критики, демонстрации условий возможности политической деятельности. Скорее наоборот, это критика в стиле М. Фуко, которая вопрошает: «Какое место занимает единичное, случайное и продукт произвольных ограничений в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?»¹

К. Скиннер заинтересован в изучении современного ограниченного диапазона понятий, используемых для повествования о политических про-

¹ Edling M., *Mörkenstam U.* Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // *Scandinavian Political Studies*. 1995. Vol. 18. № 2. P. 119–132.

блемах: «Я заинтересовался идеей обогащения нашего словарного запаса отсылками к прошлому... Мы склонны думать о свободе как о предикате действий, утверждая, что люди свободны, если они не ограничены в осуществлении своих полномочий. Но почти никто не размышлял в этих терминах до эпохи Просвещения»².

Общая направленность работ Скиннера определяется позицией Л. Витгенштейна, согласно которому язык представляет собой intersubjectively разделяемое множество инструментов, применяемое для различных целей, а некоторые его элементы открыты для субъективной критики, модификации и изменения. Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях» – слова есть также действия, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остином. Его внимание привлекла следующая позиция: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой illocutionary силы³. Чтобы проиллюстрировать уточнения Остина, внесенные в предложенный Витгенштейном анализ, Скиннер предлагает следующий пример. Полицейский видит на пруду фигуриста и говорит: «Там очень тонкий лед». Полицейский произносит что-то, и эти слова что-то значат. Чтобы понять происходящее, с одной стороны, нужно знать значение слов. Но, с другой стороны, также необходимо знать, «что полицейский делал при помощи того, что он сказал». Например, полицейский мог предупреждать фигуриста, и в этом случае высказывание могло быть произнесено с illocutionary силой предупреждения. При этом он мог спровоцировать некоторые (perlocutionary) последствия своих слов, например, возможно ему удалось убедить, напугать или просто развлечь фигуриста. «Как всегда подчеркивал Остин, говорить с определенной illocutionary силой – это обычно совершать действие определенного рода, совершить определенный акт, осуществить намеренное и осознанное действие»⁴. Illocutionary измерение языка и осуществление illocutionary актов связаны между собой намерениями действующего субъекта. Для Скиннера намерения выражаются в публичной сфере, являясь заданными в пространстве социальных значений: «какие бы намерения не были у данного автора, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса»⁵. Соответствующая методология истории идей должна определить весь спектр сообщений, которые

² Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner // The University of Chicago. 2016. P. 119–127.

³ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.

⁴ Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 275.

⁵ Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.

могли бы быть конвенционально осуществлены посредством произнесения данного высказывания, и, затем, проследить отношения между данным высказыванием и более широким языковым контекстом, для того, чтобы декодировать фактический замысел автора.

Другим закономерным методологическим вопросом, занимающим центральное место в интеллектуальной истории Скиннера, является проблема контекста. Он выделял несколько возможных контекстов: исторический, социокультурный, но основополагающим для него является лингвистический. Исторический контекст необходим, чтобы реконструировать, определить и понять какой-то значимый элемент, содержащийся в нем, что, по сути, подразумевает толкование в границах герменевтического круга, при рассмотрении текста как ответа на вопрос, а контекста как источника вопросов⁶. Лингвистический контекст, в свою очередь, позволяет увидеть, каким образом человек «захвачен» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности⁷. Он состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, стало быть автор действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом⁸.

Интерес Скиннера к прочтениям прошлых текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории. Он использует слово «исторический» как дескриптивно-нормативный критерий оценки любой политической теории. «Исторический» подразумевает, что использование и значение языка в обществе определяются и узакониваются сетью конвенций и языковых практик. Это приводит Скиннера к рассмотрению политических концептов как инструментов иллокутивной речи. Отсюда необходимость связывать понятия с практикой, институтами, традициями и идеологиями⁹.

Хотя Скиннер начинал как сторонник более исторически ориентированного подхода к изучению моральной и политической мысли, со временем он все больше и больше опирался на свои личные политические предпочтения, хотя заявленный методологический подход Скиннера – контекстуализм, никогда не менялся, что подчеркивалось даже самым активным критиком Скиннера Р. Ламбом¹⁰. Вместе с тем, следует отметить следующий факт. Скиннер, который в 1969 г. так энергично доказывал, что не су-

⁶ Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique // *History of the Human Sciences*. 2009. № 22.

⁷ Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation // *Human Studies*. 2000. № 23. P. 395–411.

⁸ Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.

⁹ Kuschel G.B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // *Res publica* (Madrid). 2018. № 21 (1). P. 109–122.

¹⁰ Lamb R. Op. cit.

ществует вопросов о «постоянной «актуальности», «вечных проблемах» и «универсальных истинах» и что «классические тексты не могут касаться наших вопросов и ответов, а только своих собственных», уже в 80-е гг. стал говорить об изучении мысли как способе решения наших собственных проблем, и для него идеалом мысли будут выступать традиция республиканизма¹¹. Как продемонстрировал Буше, Скиннер прямо признает, что в классических текстах можно найти вечные вопросы и вневременные элементы, например, говоря, что Макиавелли посвятил себя «точно тому же кругу тем (сохранение политической свободы и опасности для свободы)», что и писатели, жившие за несколько столетий до него¹².

Большое внимание Скиннер уделяет ценностям республиканизма, поэтому одним из мыслителей, постоянно привлекавших его внимание, был флорентинец Никколо Макиавелли. Интерпретация Скиннера, согласно которой Макиавелли – настоящий, «истинный» республиканец, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, преобладает в современной англоязычной традиции. Следует отметить, что скрытое «про-республиканское» прочтение Макиавелли возможно обнаружить уже в «Значении и понимании в истории идей», а на страницах «Истоков современной политической мысли» Макиавелли трактуется именно с позиций республиканизма. Именно Макиавелли является для Скиннера основным примером правильного республиканского понимания свободы, которое совпадает с собственным политическим идеалом Скиннера.

Основной тезис Скиннера звучит следующим образом: хотя Макиавелли рассматривает в «Рассуждении» очень многое, важнейшим его намерением является рассмотреть воззрение на *libertas*, стоящее в центре римской республиканской политической мысли, но затем стертое в силу различных пониманий этой идеи в Средние века. Для Макиавелли политическая свобода – это свобода вооруженного гражданина, всегда готового сокрушить своих соседей, и он никоим образом не «принимает господствующее мнение о том, что необходимо изучать реальную конституционную практику, если мы хотим узнать секрет сочетания свободы и мира»¹³, как выразился Скиннер. Он представляет Макиавелли теоретиком негативной свободы. Подобная трактовка является достаточно спорной. К примеру, Покок утверждает, что в работах Макиавелли можно обнаружить несколько концепций свободы: «древнюю» и «современную», «республиканскую» и «либеральную», «позитивную» и «негативную» свобода. Более того, сам Скиннер в «Истоках современной политической мысли»¹⁴ не обнаружил «негативных» аспектов взгляда Макиавелли на свободу. Однако в 1980-е

¹¹ *Lamb R.* Op. cit.

¹² *Asard E.* Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. 1987. № 2. P. 101–116.

¹³ *Skinner Q.* On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // *Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community*. L., 2008. P. 183–205.

¹⁴ *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: М., 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса.

годы Скиннер в границах переосмысления республиканизма как теории негативной свободы, выделяет Макиавелли как его главного сторонника.

Негативное определение свободы, являющейся средством обеспечения *virtu* по Скиннеру, появляется у Макиавелли в первой главе «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия». Существуют два типа граждан: *grandi* и *popolo*. Обе группы, по словам Скиннера, «одинаково стремятся быть свободными в том смысле, что им не препятствуют в достижении определенных целей, которые они решают поставить перед собой»¹⁵. Кроме того, Макиавелли утверждал, что подобная свобода возможна только в условиях республики. Но он также указывал, что Рим «жил свободно при своих первых царях»¹⁶. Во что же тогда он верил? Считал ли он, что свобода и монархия несовместимы? Историки, в оценке Скиннера, как правило склонны отвечать, что Макиавелли совершил ошибку. Тем не менее, при исследовании всего спектра контекстов, в которых встречается термин «республика», возможно обнаружить, что Макиавелли использовал его для обозначения любой формы правления, при которой законы способствуют общему благу. Отсюда следует, что для Макиавелли вопрос о том, может ли монархия быть республикой, является не пустым парадоксом, каким он является сейчас, а относится к сфере государственного управления. Основной вопрос республики будет звучать следующим образом – возможно ли рассчитывать на то, что правители примут только такие законы, которые послужат общему благу¹⁷. Это позволяет осуществить альтернативное прочтение: Макиавелли говорит, что при Ромуле и его преемниках законы Рима служили общему благу, а правительство, хотя и монархическое по форме, было примером республики, что разрешает противоречие.

Другой концепцией Макиавелли является *virtu*. В стремлениях перевести термин англоязычные историки обычно начинали с наблюдения, что в трудах Макиавелли храбрых и благоразумных людей часто называют *virtuosi*. Это приводит к выводу, что Макиавелли «иногда использует *virtu* в традиционном христианском смысле». Но Макиавелли также называет обладающими *virtu* ряд талантливых, но порочных лидеров. В этой связи можно предположить, что данный термин имеет «другое значение», обозначающее навыки или способности в политических или военных делах. Однако по мере обнаружения новых аномальных значений комментаторы обычно приходили к выводу, что этот термин вообще не имеет определенного значения¹⁸.

Как видно из примера, англоязычные историки поставили перед собой задачу понять концепцию *virtu*, заключающуюся в объяснении ее «значений» путем обнаружения их аналогов в современном английском языке.

¹⁵ Skinner Q. The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 205.

¹⁶ Ibid. P. 205.

¹⁷ Skinner Q. Machiavelli: A Very Short Introduction. Oxford, 2019.

¹⁸ Ibid.

И это, по Скиннеру, является ошибочным. Историк не может принять во внимание возможность того, что Макиавелли мог использовать этот термин для выражения концепции, настолько чуждой современному моральному мышлению, что она может быть передана исключительно в форме расширенного и довольно приблизительного пересказа. Возможно, например, Макиавелли использовал этот термин в случаях, когда он хотел указать только на те качества, которые наиболее способствовали военному и политическому успеху. Другой распространённой ошибкой, по мнению Скиннера, является стремление обнаружить эквивалентный термин для его выражения в современном языке. Такой термин, как «virtu», получает свое «значение» в зависимости от своего места в обширной сети верований, происхождение которых необходимо полностью проследить. Макиавелли чаще всего использовал термин *virtu*, говоря о средствах, с помощью которых человек достигает определенных результатов. Упоминая о *virtu*, он говорил о способностях, талантах, возможностях. Он часто замечал, что качество, которое позволяет побеждать врагов, одерживать великие победы, это *virtu* военачальников или государств¹⁹. С одной стороны, *virtu* подразумевает готовность отбросить требования справедливости и «действовать с жестокостью и вероломством, когда это необходимо для защиты общего блага». Но, с другой стороны, оно также связано с мужеством, умеренностью и благоразумием²⁰.

Обратимся более подробно к утверждению Скиннера, согласно которому значение высказывания связано с его иллюкутивной силой: необходимо понять не только то, что означают сами слова индивида, но и то, что делало или подразумевало действующее лицо, произнося подобное конкретному человеку в конкретном случае. К примеру, говоря об утверждении Макиавелли, относительно того, что армии наемников всегда подрывают свободу, Скиннер отмечает, что хотя понимание смысла самого высказывания не вызывает особых затруднений, это ничего не говорит нам о том, что Макиавелли делал или подразумевал, произнося его. Единственным способом понимания этого является исследование доминирующего интеллектуального контекста того времени. Именно из-за утраты *virtu*, на чем настаивал Макиавелли, флорентийцы его эпохи были катастрофически неспособны защитить себя. В ранних произведениях Макиавелли утверждал подобное, но в «Истории Фиорентии» он подкреплял его некоторыми впечатляющими примерами. Например, описывая битву при Ангиари, он отмечал, что за четыре часа боя погиб только один солдат. Рассказывая о битве при Молиanelле, он добавлял, что за полдня боев обошлись без жертв. Сосредоточиваясь на подобных случаях, он собирал доказательства того, что его соотечественникам катастрофически не хватало *virtu*, необходимого для сохранения свободы. Однако при обращении к источни-

¹⁹ Скиннер К. Идея негативной свободы философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2. С. 182.

²⁰ Там же. С. 183.

кам Макиавелли, возможно обнаружить, что они едва ли подтверждают эти выводы. Более того, изучение более поздних обсуждений «Истории Флоренции», демонстрирует, что ряд современников Макиавелли жаловались на его отношение к историческим данным. Так Сципион Аммирато, например, настаивал на том, что Макиавелли не приводил адекватных оснований для выводов; вместо этого он изменял имена и доказательства таким образом, чтобы читатели поверили в то, что он говорил²¹.

Макиавелли горячо верил, что качество *virtu* были утрачено в современном мире, и для этого у него были веские основания. Он также считал, что готовность вести себя мужественно – одна из наиболее очевидных характеристик народа, обладающего *virtu*. Следовательно, его основным выводом было заключение об отсутствии смелости у его соотечественников. Он также не мог интерпретировать их военное поведение иначе, как с позиции аксиоматического отсутствия у них этого качества. Однако, по словам Скиннера, Макиавелли смог сохранить этот конкретный предмет веры только непомерно высокой ценой. Он был вынужден фальсифицировать соответствующие данные.

Итак, каков же возможный метод восстановления иллюкутивных актов, необходимый для толкования и интерпретации мысли раннего Нового времени в соответствии с позицией Скиннера. Во-первых, необходимо сосредоточиться не просто на конкретном тексте, но и на господствующих конвенциях, определяющих трактовку вопросов или тем, которые затрагивал текст. Во-вторых, необходимо обратить внимание на картину мира писателя, сферу его подкрепляемых практическим опытом убеждений, что обусловлено наличием логической взаимосвязи между способностью приписывать определенные намерения субъектам действия и тем, что мы знаем об их убеждениях. Какие бы намерения ни имел автор, они должны быть конвенциональными в том смысле, что они должны быть распознаны как намерения отстаивать конкретную позицию в споре или же способствуют исследованию темы. Следовательно, для понимания того, что автор мог делать, используя ту или иную конкретную концепцию или аргументацию, необходимо рассмотреть природу и диапазон вещей, которые можно было бы осуществить, используя конкретную концепцию в определённый период времени. Другими словами, исследователь должен быть готов рассмотреть всё, что можно обозначить социальным воображаемым, представляющим собой полный спектр унаследованных символов и представлений, составляющих субъективность эпохи.

Список литературы:

1. Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. 1987. № 2. P. 101–116.
2. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation // *Human Studies*. 2000. № 23. P. 395–411.

²¹ Skinner Q. Machiavelli ...

3. *Edling M., Mörkenstam U.* Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // *Scandinavian Political Studies*. 1995. Vol. 18. № 2. P. 119–132.
4. *Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner* // *Chicago Journal of History*. 2016. № 7. P. 119–127.
5. *Kuschel G.B.* Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // *Res publica* (Madrid). 2018. № 21 (1). P. 109–122.
6. *Lamb R.* Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique // *History of the Human Sciences*. 2009. № 22.
7. *Skinner Q.* A Reply to My Critics // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 275.
8. *Skinner Q.* Machiavelli: A Very Short Introduction. Oxford, 2019.
9. *Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
10. *Skinner Q.* Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.
11. *Skinner Q.* Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.
12. *Skinner Q.* On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // *Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community*. L., 2008. P. 183–205.
13. *Skinner Q.* The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // *Philosophy in History* / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984.
14. *Скиннер К.* Идея негативной свободы философские и исторические перспективы // *Логос*. 2013. № 2. С. 155–186.
15. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. М., 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент, кафедра всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

**Skinner's Intellectual History:
Problems of Early Modern Political Thought**

V.P. Potamskaya

Tver State University, Russia, Tver

This paper explores C. Skinner's approach to interpreting early modern thought. Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can

only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate linguistic context. It is argued that Skinner's interest in interpreting texts within the framework of political theory was driven by his belief in the need for historical accuracy in various works on political theory. Skinner's interpretation of key concepts in Machiavelli's thought is examined.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, freedom, vitru.*

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, As. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

References:

Skinner K. *Ideya negativnoj svobody filosofskie i istoricheskie perspektivy*, Logos, 2013, № 2.

Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli*, M., 2018, T. 1, Epoha Renessansa.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.